

И С Т О Р І Я

О

ИЗБРАНИИ И ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ

БЛАЖЕННЫЯ И ВЪЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Феофана Прокоповича.

1730 ГОДЪ.

С А Н К Т П Е Т Е Р Ъ У Р Г Ъ .

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, Марта 11-го дня, 1837 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

2004127505

И С Т О Р І Я

О ИЗБРАНІИ И ВОСПЕСТВІИ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАЖЕННЫЯ И ВЪЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ (*).

Преснавился ПЕТРЪ II 1730 года, Января 18 дня (1), во вшоромъ часу по полуночи, по

(*) Феоданъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, участникъ дѣлъ Великаго Петра, много оставилъ послѣ себя сочиненій: нѣкоторыя изъ нихъ были при жизни его напечатаны, нѣкоторыя же остались доселѣ не напечатанными, и изъ числа послѣднихъ: »Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссийскія,« собственноручно писанная самимъ Феоданомъ;

учиненномъ ему (какъ въ Греческой Церкви
обычно), отъ прехъ Архіереевъ елеосвященіи,
меньше часа, и пребыли Архіереи въ палапахъ
до кончины его. Были тамъ же Верховнаго Со-
въша члены, пако жъ и изъ Сенапа, и Генера-
липепа не малое число. И тогда Князь Василій
Володиміровичъ Долгорукій, именемъ прочихъ
просилъ Архіереевъ поумъшкашь немного, вну-
шая, что тамъ же скоро имъепшь бышь совѣ-

ко мнѣ она досталась въ списокѣ. Теофанъ описываетъ
начало восшествія на престолъ Императрицы; продол-
женіе же исторіи, должно думать, если только было про-
долженіе, прервано кончиною его, послѣдовавшею въ
1786 г. Сент. 28, на 55 году жизни его. Манштейнъ,
Генераль-Маіоръ Русской службы, современникъ нашего
Архіепископа и свидѣтель восшествія на престолъ Импе-
ратрицы Анны, передалъ намъ объ этомъ въ сочиненіи
своемъ, подъ заглавіемъ: *Mémoire sur la Russie de-
puis l'année 1727—1744.* — И такъ, имѣя въ этомъ
родѣ два современныхъ сочиненія, я почелъ нужнымъ
дополнить изъ Манштейна то, что пропущено, или
не ясно въ исторіи Прокоповича, особыми выписками,
которыя приложены къ примѣчаніямъ. Оцѣнить же
достоинство и важность извѣстій, здѣсь излагаемыхъ,
я передаю другимъ. *А. Терещенко.*

шванію: о избраніи Государя новаго. Но скоро попомъ возврашлся къ нимъ, сказавъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось, къ находящему дню, бышь всѣхъ чиновъ собранію въ десятомъ часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибышь сами, и другихъ бы, какъ Архіереевъ, шакъ и Архимандришовъ, съ собою привели бы, понеже сіи были Синодальныя. И шако Архіереи всякъ во своя опошли. Но уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хипрось, ибо по опшешствіи Архіереевъ верховныя и другіе начальники шамъ же оспались (2). И долго разглагольство было о наслѣдникѣ Государѣ, съ немалымъ разгласіемъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій (3), невѣспы новопреславшагося Государя родитель, дочери своей скипепра домогался, кошоной его дерзоспи, яко весьма нечаянной, многіе удивились. Но онъ власполобіемъ ослѣпленъ, не успыдился показашъ и нѣкое письмо, яко бы Петра II завѣшь, прежде кончины своей написанный, кошорымъ будшо бы онъ Державы своей наслѣдіе невѣспѣ Екаперинѣ укрѣпиль. Дивное всѣмъ спало Князя Алексѣя безспудіе, (кромѣ однихъ, часо, свойспвенниковъ его), и

на шребованіе его, весьма неприспойное и смѣха доспойное, никшо не посмошрѣлъ. Понеже опнюдь не могло бышь вѣрояшно, дабы учиниль шо Государь, до болѣзни своей, — опрокъ крѣпкимъ сосшавомъ цвѣшущій, и шоль сильное имѣющій здравіе, чшо многолѣшняго весьма жишнїя надежду подавало: какъ же бы онъ могъ и подумашь о близкой своей смерти? А когда пришла ему болѣзнь, (кошорая не болѣе двѣнадцати дней, удручая его, умершвила), во все шо время дѣмали ему пошѣшку скорого къ первому здравію возвращенїя: не шо, чшобъ ему о будущей смерти повѣщашь, хопя бы и подлинно вѣдано, чшо ему прочее живу не бышь (4). Но опшверженїи же шого домогашельспва, шребовано другихъ господъ мнѣнїя. Разные были голосы, однако же внѣ фамиліи Государей не выходили. Нѣкшо приговаривалъ и за бабкою Петра II, недавно изъ започенїя освобожденною (5). Но сіе прочіе судили яко неприспойное, и происшедшее опъ челошѣка корышешей своихъ ишущаго, самымъ молчанїемъ принушили. А когда произнеслось имя Анны, вдовой Курляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, большаго Петра I брата, кушно съ нимъ до кон-

чины царствовавшего, между Екашериною и Параскевеею средня сеспры, пошчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе (6), которому спориль не посмѣли и оныя, коимъ закладенная и, по мнѣнію ихъ, неопъемлемая уже въ рукахъ была высочайшая власшь, а шогда ошъ нихъ ухдила.

О перемѣнѣ формы или образа царствованія, (чего вѣщии изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія въ себѣ ушайшь не могли, какъ уже ясно о шомъ покажется), въ семь шогда же собраніи, (хотя не при всѣхъ, но по выходѣ ошшуда многихъ прочихъ), говорено, и чшо о шомъ умышлено, ниже сего извѣстно будешъ.

Когда день насталъ, и великое всѣхъ шшашовъ множество въ Верховный Совѣщъ собралось, куда и синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и Великій Канцлеръ вслухъ предложилъ, чшо Верховный Совѣщъ Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ Россійскую корону должну бышь усмашриваешъ, но шребуешъ и всѣхъ всего ошечесшва лице на себѣ являющихъ чиновъ согласія; — шончасъ всѣ въ единѣ голосъ изволеніе свое показали, и не

единого не было, кошорый хопя бы мало задумался. Первый же Архіерей (Т), именовъ всѣхъ опвѣпшвуя, сказалъ, что, не только какъ онъ, такъ и вся брашя его на шо согласуюшъ, но и желаюшъ пошчасъ въ преспольной церквѣ при всенародномъ присушсвїи шоржеспвеннымъ молебспвїемъ благодаршъ всемлоспшвѣйшему Богу, за шолкое полученное опъ Него дарованіе. Но когда сіе Архіерей оный слово произнесъ, непрїятно шо спало верховнымъ господамъ, опрекми и бышъ шому шогда не приговорили, что, яко весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія, и шако великій оный соборъ распушенъ.

Спали же многіе разсуждашъ: какая бы шо была верховнымъ причина, оплагашъ оное благодарспвенное молебспвїе? И кшо легко и скоропоспшжно разсуждаешъ, сію шую вину бышъ думалъ, что еще не извѣспно: соизволишъ ли Царевна Анна царспвовашъ? Но оспроумнѣшя головы глубочаѣ нѣчто проницали, и догадывались, что господа верховные иной нѣкой опъ прежняго видѣ царспвованія усшроили, и что на ночномъ ономъ малочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сокращишъ власшъ Царскую и нѣ-

кими вымышленными доводами аки бы обуздашь, а просто рещи, лишить самодержавіа запѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сумнѣвашься, то сумнипельства сего пожь причиною, ш. е. похощеш ли Государыня Анна приняться за умаленную предковъ своихъ Державу? И догадъ сей какъ былъ неложный, скоро самымъ дѣломъ ясно показалось.

Здѣ же во-первыхъ надобно, кажешся, изъяснить: кшо они и сколько ихъ было, копорыхъ въ повѣспи сей нарицаемъ верховными? При Императрицѣ Екашеринѣ I, сверхъ установленнаго Петромъ I Сенапа, новое и опъ Сенапа высшее Правительство учреждено, и украшено оное особливимъ именемъ: Верховнаго Совѣпа. Сее жъ собраніе въ помѣ вящшую опъ Сенапа имѣло силу, чшо и нѣкую власпи часпъ Сенапу опняшую приняло къ себѣ, и чшо большую важность возымѣло; однако же, чшо ни хощѣлъ бы Верховный Совѣпъ вновь успавить, не воленъ былъ сдѣлать шо безъ изъясненія Императрицы. А когда сей не спало, а наспалъ Петръ II, дванадешилѣшній тогда опрокъ, тогда Верховный Совѣпъ, получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную

власпѣ, и моглѣ и дерзалѣ дѣлать, что хотѣлъ. Да и тогда еще правительствво оное не могло ничего учинить безъ воли Князя Меншикова, копорый его членъ былъ, наипаче когда сей дочь свою Петру II въ невѣсту опдалъ публичнымъ обрученіемъ. Всѣхъ совѣта того членовъ девять человѣкъ было, а по изгнаніи въ ссылку Петра Толстаго, попомъ же Меншикова, собраніе оное умалилось. А послѣ того, новымъ прибавленіемъ, спало въ числѣ осмичисличномъ. Именно же сіи были: Великій Канцлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, первый, другой неизвѣснаго почиптай порядка: Князь Дмитрій Михайловичъ, да братъ его Князь Михаилъ Михайловичъ Фельдмаршалъ Голицыны; Князь Василій Лукичъ, Князь Василій Володиміровичъ, Князь Михаилъ Володиміровичъ, Князь Алексѣй Григорьевичъ, и сіи чешыре единой фамиліи Долгорукіе, одинъ еще изъ націи Нѣмецкой Андрей Ивановичъ Осперманъ. Добавилъ бы число Феодоромъ Машвѣвичемъ Апраксинымъ, Адмираломъ, но не спало его тогда, когда еще не всѣ, здѣ упомянутые, ко оному правительствву причтены были. Именованные же Долгорукіе каковое не засѣдали мѣсто въ томъ собраніи, однако же другихъ

новарицей своихъ весьма были сильнѣйшіе, имѣя основаніе на сродствѣ своемъ Князь Алексѣй Григорьевичъ, который въ рукахъ своихъ имѣлъ Петра II, и его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятию въ жену дочери своей уже обрученія совершеніемъ, и пошому одинъ онъ всего Верховнаго Совѣта сильнѣйшій спалъ. Еще же и сынъ его, Князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ обносился, что въ великой у Петра II милоспи, много Долгорукихъ фамиліи придавалъ можности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагуба паче, нежели помощь роду оному приносишь. Понеже бо и природою былъ злодержосень, еще къ шому шолікимъ счастиемъ надмѣнь, и ни очемъ, яко бы себѣ не доводилось, не думалъ; не шолько весьма шѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло шпрахъ задавалъ: однихъ возвышая, а другихъ ннзлагая по единой прихоти своей: а самъ на лошадахъ окружень драгунами, часшо по всему героду, не обычнымъ шпремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ, но и по ночамъ въ чеспные дома вскакивалъ, — гоня и досадный и шпрашный! И до шолікой шродержоспи пришелъ, что кромѣ зависпи вечаян-

ной славы, уже праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самага себя, такъ и всю фамилію свою, аки бы нарочно подвергль. Да и прочіе Долгорукіе, хошя по внѣшнему обходительства виду будшо бы и умѣренными являлися, однако же дѣлами своими въ великое властолюбія подозрѣніе приходили. Основаніе или корень таковаго ихъ безпамятства шо было, что замечшали, будшо бы уже царская фортуна, чрезъ угоповляемое Петромъ II съ Капериною ихъ бракосочешаніе, въ дома ихъ преселилась. Нѣкоторые же изъ нихъ, пооспрѣе разсуждающіе, хошя уже о собышніи желаній своихъ и не сумнѣвались, однако же промышляя, дабы опіюньдъ ничего не оставалось, что намѣренію ихъ могло бы препятствовашь, разныя хитрости упошребляли: ревность къ православію показуя, бабу Государеву обогащевая, поварищей своихъ, да не своей крови, припворными ласканіями къ себѣ привлекая. Но больше всего возымѣли попеченіе какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить себѣ, понеже между двумя сими фамиліями наслѣдныя зависти и ненависти и ссоры и вражды изъ давнихъ лѣтъ даже до шо-го времени были, что всему Русскому народу

извѣстно и несумнительно. Начали же Долгорукіе всё къ тому употреблять способности, часто прѣзжашь къ Голицынымъ и ихъ къ себѣ, призывашь, просить и увѣщевашь прилежно, пересташь бы обимъ споронамъ отъ праведнаго соперничества и взаимныя распри, яко опечесву зѣло вредныя, упразднишь. И со временемъ того dospѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли ими будучи, въ союзъ вошли и за одно спали. Слухомъ же обносился, будто сіе дружество съ обихъ споронъ присягою утверждено. Но пожъ де самое, во время опасной болѣзни Петра II, и вѣще укрѣпишь Долгорукіе пощились. И уже пора на первое возвращишься. — Тѣи же по верховные господа, собравъ первѣе по кончинѣ Петра II, какъ уже выше показано, Совѣшь, когда Царевнѣ Аннѣ Императорская власшь согласіемъ всѣхъ присуществовавшихъ присужена спала, многихъ домой оппустили, а сами совѣшвали: какъ бы власшь Государеву сократишь и нѣкіими успановленіи малосильнѣе учинишь? На что наипаче Долгорукіе насполяли, показуя видѣ, будто бы они нарочно къ нѣкоей пользѣ служащъ, а самымъ дѣломъ желая получишь се-

бъ хопя часть Царской власпи, когда цѣлой оной доспичь не могли. Сіе коварство ихъ по-тому не шайно, что они не думали видѣшь на-родное владѣпельство, (кое обычно вольною республикою называющъ), но всю крайнюю си-лу осмиличному своему Совѣшу учреждали, ко-порый владѣнія образъ, въ шоль маломъ числѣ владѣющихъ, не можешъ нарѣщисъ владѣпель-ство избранныхъ, Греческа аристокрашія, но развѣ сковническое (?) шоржесство или насиль-ство, кошорая олигархія у Еллиновъ име-нуешся. Еще же и другое умышленіе Долго-рукыхъ было. Другихъ они друзей своихъ на-деждою шолько, яко бы общаго съ собою коры-спованія, шѣщили, на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ своего общесства исключисъ. Сіе же всеоцной оной зашѣйки ухищреніе, не шру-дно будешъ познашь чишашелю, какъ изъ раз-ныхъ воспослѣдовавшихъ дѣла сего обстоя-тельствъ, шакъ и съ масперства, кошорое го-спода сін въ произведеніи умышленій своихъ упошребляли, что слѣдующее сказаніе ясно по-кажешъ.

И во-первыхъ, когда верховные оные госпо-да благодарственному, какъ выше сказано, мо-

лебсшвію бышь не вельли, и пѣмь самымъ у людей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и самы, шоропясь, зашѣйки свои какъ бы возможно произвешъ скорѣе въ дѣло, аки бы нарочно шаинспва своя опкрыли. На другой день по пресшавленіи Государевомъ выправили въ Курляндію Князя Василья Лукича Долгорукаго, придавъ ему будшо бы двоихъ поварищей, (одинъ же изъ нихъ былъ Голицынъ, Кн. Михайль Михайловичъ меньшей), но съ шакою скоросшію, что на разспавленныхъ нарочно для шого часпыхъ подводахъ, казалось, лепѣли они, паче нежели вѣхали. Тщались же шо предъ всѣми упшашъ, но шощасъ по всему городу вѣдомо учинилось. Въ шо же время по всѣмъ дорогамъ, кошорыми можно бы кому въ Курляндіи пробирашъся, крѣпкія засшавы расположили, давъ онымъ солдашамъ указъ, дабы оншуда къ Москвѣ идущихъ пропускали, а опъ Москвы шуда шесшвующихъ удерживали бы и письма бы у нихъ вѣбирали. И опъ шакого ихъ дѣйшвія не шокмо догадливые люди, но шупные просшолоудины явно уже видѣшь могли, что господа верховные зашѣваюшъ. И не шрудно было разумѣнъ, что они вымышленный опъ

себя новый царствованія порядокъ хошяшь Государынѣ поднесшь именемъ всего народа, аки бы всенароднымъ согласіемъ ушвержденный (8). Опасаясь же и боясь, дабы ошъ кого увѣдомлена Государыня коварства ихъ не познала, спарались какимъ-то обереженіемъ, чшобъ она ошомъ знашь не могла, покамъспъ сама въ руки имъ не доспанешся. Многіе же и проклинали шаковый поспупокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, чшо они шакъ дѣлали съ ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлаюшъ съ насшупающимъ непріашемъ.

Жалосшное же вездѣ по городу видѣніе спало и слышаніе. Куда не прійдешъ, къ какому собранію ни приспанешъ, не иное чшо было слышашъ, шолько горесшныя нарѣканія на осьмиричныхъ оныхъ зашѣйщиковъ: всѣ ихъ жестко порицали, всѣ проклинали не обычное ихъ дерзновеніе, не сышое лакомство и власшлюбіе. И вездѣ въ одну почишай рѣчь говорено, чшо если по желанію оныхъ господъ сдѣлаешся, (ошъ чего сохранилъ бы Богъ!), шо крайнее всему ошечесшву насшопишь бѣдсшво. Самымъ имъ господамъ нельзя бышь долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ еспъ человекъ, чупъ ли

не только явился апамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возымъетъ скардное оное лице, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія распоргнена бѣдсповала. И не ложныя, по моему мнѣнію, были шаковыя гаданія: понеже Русскій народъ шаковъ естъ ошъ природы своей, чшо шолько самодержавнымъ владѣшельствомъ хранимъ бытъ можетъ. А если каковое нибудь иное владѣніе правило воспрійметъ, содержащяся ему въ цѣлости и благососполянн опнюдь не возможно. Но о семъ намѣреніе наше естъ особливья доказашельства написанъ.

Между же шѣмъ произошло въ слухъ, чшо другой родился союзъ, осьмилнчному прошивннй. Знашнѣйше, сирѣчь, изъ шляхешства сношнся и совѣповашся начали, какъ бы дѣйствншельно вопреки спашъ верховникамъ и хншрое ихъ спроеніе разрушншь, и для шого по разнымъ домамъ ночью порою собирались. Я въ шо время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ, спарался провѣдашь, чшо сія другая кампанія придумала и чшо они къ намѣренію своему лучше усмошрѣли. И скоро получилъ я извѣспіе, чшо у нихъ два мнѣнія споръ имѣюшь. Одно дерзкое на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто сво-

его соберушся, напасшь незапно оружною рукою, и если не похощашъ опсшашъ умысловъ своихъ, смерши всѣхъ предашь. Другое мнѣніе крошкое было, дойши до нихъ въ собраніи и предло- жишь, что запѣйки ихъ не пайна, вѣтъ извъ- спно, что спрояшь, не малая вина однимъ и не многимъ государсва сославъ передѣлывашъ. И хощя бы они преполезное нѣчто усмопрѣли, однако же скривашъ по передъ другими, а най- паче и правительствующимъ особамъ не со- общашъ, непріятно то и смрадно пахнешъ. Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согла- сный приговоръ. Первое, яко любое и удачи неизвѣспной; а другое, яко слабое и недѣй- ствительное и своимъ головамъ бѣду наводящее. И шако нѣкоего другаго средствія искашь над- лежало. Доспалъ же я и о помъ еще вѣдомосшь, что сіи верховниковъ супоспашы и между со- бою не единомушны были, но весьма прошивна- го хощѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ шщались спарое и опъ прародителей возпріятное госу- дарсва правило, удержашъ непременно. А дру- гіе, да еще сильнѣйшіе, шого же хощѣли, что и верховники. Досадно имъ было, что они ихъ въ дружество свое не признали. И пошому не-

трудно мнѣ было прорицать, что сіи верховныхъ прошивники ничего не сдѣлають. И по истинѣ, все ихъ дѣйствіе день къ дню знашно просшывало.

Хотя же и другая сія факція зѣло спаралась собранія свои ушайшь, и одинъ заклиналъ, дабы нишхнушь о семь, и всѣ великія на себя налагали кляшвы, если бы кто вынесшь совѣшвы дерзнулъ; однако же ошъ верховниковъ ушаншься не могло. Были въ шоликомъ множествѣ (понеже до пяши сошъ чловѣкъ себя исчишали) непостоянные и вѣроломные. Были и шаковые, копорые одинъ у одного, а другой у другаго изъ верховныхъ имѣли, или искали милосши и призьнїя, или инымъ какимъ образомъ поробощенные крѣпко хранили шайну, тѣ шщапельно искали провѣдашь: кто именно предашь? Онѣкопоромъ и извѣсно спало, но шощъ укрывался: инако на посѣченїе сужденъ.

Не безъ страха же было верховнымъ, когда еще не знали они, какъ дремливое было прошивниковъ дѣйствіе. Нарочно ошъ нихъ разсывался слухъ о спрашныхъ на прошивниковъ своихъ угроженїяхъ, и что мяшежная ихъ сонмища Верховному Совѣшу гораздо вѣдома, и

что непокойныя оныя головы судяшся яко неприятели отечествія и скоро пошлется, или уже и послано, ловишь ихъ за арсепъ, и что дурно они на множество свое уповаюшъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обръщаются, и никому изъ нихъ утаишься и бѣжашъ бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажушъ на пышкахъ и прочихъ, и явишся, кпо каковой казни достойны будушъ.

И хощя шакковыя вѣспи пошепкомъ въ народѣ обносились, однако жъ полюкой спрахъ дѣлали новымъ союзникамъ, что многіе изъ нихъ, особливо малосмошные, и въ домѣхъ своихъ пребывашъ опасались: но съ мѣста на мѣсто переходя въ припворномъ плашьѣ, и не въ своемъ имени, по почамъ шолько, куда кого позывала нужда, перебѣгали. Однако же верховники, поражая спрахомъ суперниковъ своихъ, самы еще не ощущали въ себѣ безспрашя. Смушала ихъ злая совѣспъ, и что неизвѣспно было, чѣмъ окончипся дѣло ихъ шоль дерзновенное. Начали же призывашъ къ себѣ первѣйшихъ изъ прошивной компаніи, и принимаешъ съ ласкосердіемъ, и къ общему сословію преклоняшъ, клянясь и присягая, что они за собспвен-

нымъ своимъ интересомъ не гонялся, и жаловались, что напрасно по въ грѣхъ имъ поспановлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили тогда того вину, что хотѣли они первѣе испустить и оправдать: какову себя покажешь на ихъ предложеніе избираемая Государыня? А по оправдавъ, они имѣли намѣреніе всѣхъ членовъ созвать и просить оправдывать: что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь соспоянію государства, обѣщая вскорѣ по учинить, и себя, яко неповинныхъ, передъ шѣми оправдать. Таковыя же верховныхъ выправки, кпо изъ опасныхъ и невѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что по обманное ловишельство; но другіе, и числомъ множайшіе, сими плѣнницами уловлены оспались.

Когда же тако чрезъ двѣнадцать дней, а не больше, съ обою спорону различно мяшется, а мы, что-то со временемъ хоцешъ бышь, дожидаемся (9). И во впорый день Февруарія, посланные опъ Верховнаго Совѣта по сенаторскимъ, архіерейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ, разносяшъ повѣстки, что Верховный Совѣтъ на ушрениій день всѣхъ въ собраніе призываетъ, (нарочно удерживаясь опъ нарѣчія: указываетъ,

и указъ ихъ словомъ *призвѣ* умягчивая). Тѣ же вѣспники и приносили собранію шего вину: будшо о государствейномъ успановленіи совѣшповать будушь. Чудно же по испинѣ сказати, каковыя многихъ шогда явилось разгласіа! Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ зашѣйкахъ своихъ Верховный Совѣшъ раскаялся и хочешь просишь себѣ въ шомъ прощенія, какъ шо члены его въ незапныхъ разговорахъ и общались. А другіе все иное помышляли, и какъ самы онаго къ собранію призвѣ не любили, шакъ и всѣмъ ходишь шуда весьма не совѣшповали: прилежно внушая, что новая шо вѣрховниковъ хипрость и злое изобрѣшеніе, какъ бы имъ прочихъ или къ согласію зашѣекъ своихъ сильно понудишь, или прошивящихся себѣ вдругъ придавишь. Въ шомъ же день какая шайная нашлась поговорка, будшо изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣшъ. И когда сіе опаснѣйшіе оные услышали, и паче шщились всѣхъ опъ повѣщеннаго собранія опводишь, ибо они, присматриваясь шогда, каковымъ лицомъ являюшь вѣрховники, примѣчали, что не шолько самы они, но и слуги ихъ необычно веселы и радостны были. И пошому не было уже сумни-

шело, что ухищреніе верховниковъ удалось, и Анна Государыня, ложнымъ якобы всего народа именовъ сведенна, на подложные ихъ договоры приспала. И сей многихъ догадъ неогрѣшительный былъ, но большая часпъ перемогла лучшую.

Въ шрешій день Февруарія превеликое множество къ назначенному мѣсцу собралось. Гдѣ когда ожидано, что шаковое къ совѣтованію опъ верховниковъ произнесется, тогда они, указавъ молчаніе, и велѣли чипашъ присланное изъ Курляндіи письмо. И дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшіе прорицали. Было то посланіе Императрицы Анны и содержало въ себѣ слѣдующая. . . . . Никого почишай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы шаковыя слышавъ, не содрогнулся. И самы пѣ, которые вчера великой опъ сего собранія пользы надѣялися, опустили уши, какъ бѣдные еелики. Шептанія нѣкая въ множествѣ ономъ пошумливали, и съ негодованіемъ опкликнувшись никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояшья, понеже въ палашѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ многочино спояло вооруженное воинство, и дивное было всѣхъ молчаніе. Самы господа верховные

ишо нѣчто, одинъ съ другимъ, пошепывали, и оспроглазами посматривая, пришворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляющіяся. Одинъ изъ нихъ только, Кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто погаркивалъ: »видише, де, какъ милоспивая Государыня, и какво мы опъ нея надѣялись, шакое она показала опечесшву нашему благодѣяніе. Богъ ея подвигнулъ къ писанію сему; опсель счастливая и цвѣшущая Россія будешъ.« Сія и симъ подобная до сышности повшорялъ. Но по-неже упорно всѣ молчали, и только онъ одинъ кричалъ, нарекашъ спалъ: для чего никшо ни единого слова не проговорилъ? изволилъ бы сказаць, кшо что думаешъ, и хопя нѣшъ, де, вичего другаго говоришь, только благодарилъ шоль милосердой Государынѣ. И когда нѣкшо изъ кучи шакимъ голосомъ, съ великою шрусосшію, примолвилъ: не вѣдаю, де, и весьма чуждуся, изъ чего на мысль пришло Государынѣ шакое писашъ? На копорые его слова ни опъ кого опшвѣша не было. Пошомъ Кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей его брашій дано время поразсудилъ о шомъ свободнѣе. И на шо сошволили

верховные, желая паче оппустить прочь унрля-
мыхъ и себя опъ страха освободить, нежели
вмѣня по въ пользу свою.

Архіереи же синодальные учили домогашь-
ся, чтобы больше не оплагая, собрашья и со-
вершишь благодаршвенное молебствіе, чему уже
и не спорилъ никто. Повелѣлъ же Синодъ діа-
конамъ возносить Государыни имя съ полною
монаршескою пишлюю, самодержавіе въ себѣ
содержащею. Чшо и сдѣлано; да по жѣ верхов-
нымъ весьма не любо спало, и каялись, что о
помѣ прежде запамяшовали посовѣшоваць. И
когда же въ пошь день Синодъ посылалъ во
всѣ спраны письменныя пишшлованія Госуда-
рыни формы, посылали и они, но пишшлы само-
державія уже прежде обращенной, перемѣнишь
не посмѣли.

Изъ онаго времени видѣшь было можно,
что всякаго почипай чина и званія люди, яко-
бы дряхли и задумныя ходили, и будшо нѣчто
глубокое размышляли. И не можно было иначе
поспунишь, у кого здравый смыслъ и разумъ
былъ. Понеже, хошя запѣйка верховныхъ го-
сподъ и не шайна была, однако же никто не
надѣялся, дабы они опважились шакъ рабскіа

и шѣсныя владѣнія ушавы на Императрицу накинуть. Надлежишь же сіе вѣдать, что сія епископія въ Москвѣ соплешена была, и Княземъ Василиемъ Лукичемъ въ Курляндію отвезена и подложена Государынь для подписанія. А дабы Государыня не опреклась подписать, Князь онъ Василій неслыханною лжею заклинался, что по требованіе ёсть ошъ всѣхъ чиновъ и общее всего народа. И о семъ изъ успъ самой Императрицы, по пріѣздѣ ея въ Москву, извѣстно спало.

Въ десящій день Февруарія получена вѣдомость, что Государыня ошъ Москвы уже не далече. И скоро попомъ, ошъ чина церковнаго при Архіерея, да при Сенатора ошъ гражданскаго, на встрѣчу Ея Величешва выправлены. Да шущъ жалоспное нѣчто и примѣчанія достойное явилось. Когда оныя Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣша, именемъ всѣхъ чиновъ Императрицу привѣшшествовашъ въ дорогу наряжались, нужда имъ была шребовать пащспорша ошъ Верховнаго Совѣша, и получили. А когда доѣхали до засшавы, (о чемъ прежде упомянушо), понеже еще далече шого мѣша была Государыня, тогда капишанъ,

заспаву держащій, съ объявленіемъ ошъ нихъ пашпорша, какъ самыхъ господъ, шакъ служившей считалъ и пошомъ далъ шеспшовашъ пропустилъ. Въспшъ ли и совокупно Сенапоры къ Государынь, копорая, когда въ селъ Чашникахъ оспановилась, прибыми, или порознь и особно, я о шомъ неизвѣспенъ и не провѣдывалъ, яко не-
 нужнаго, а о семь ошъ нѣкѣихъ изъ свѣшы князя Василя Лукича послѣ я увѣдомился, что, когда, какъ Архіереи, шакъ и Сенапоры Государыню привѣшшшвовали, шогда оный Князь Василій, весьма прилежно на глаза ихъ при-
 смашривался и на всѣ ихъ движенія и мгнове-
 нія ошро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, шрусли-
 во и опасно было оное власполобивое шашаніе.
 А правиламъ полишическимъ сходна ли была шипросшь оная, инымъ на разсужденіе ошав-
 ляю. Еще же и сего пророкишъ ненадобно, что
 когда нѣкошорые изъ привѣшшшшвовавшихъ, ош-
 кланясь Государынь, прежде ея походу къ Мо-
 сквъ возвращались и зѣло скоро бѣжали, и уже
 шри вершы пробхали, шогда Государыня изъ
 кварширы выѣхавъ, шопчасъ ихъ миновала и
 незадолго изъ глазъ вышла. И въ шомъ бо го-
 спода оные имѣли попеченіе, шшобъ елико мо-

жно спѣшишь, которое поспѣшеніе такъ жестокое было, что въ десять дней, (а если нужныя въ Ригѣ, Псковѣ, Новгородѣ и Твери остановки выключишь, по развѣ въ восемь дней), больше тысячи верстъ убѣгли, съ немалымъ здравія Государынь нарушеніемъ. И того же дни (10) прибыла Императрица въ село Всесвятское, семь верстъ отъ Москвы распояніемъ. И здѣ, для успокоенія остановясь, приказала Петра II, до своего въ градъ пришествія, погребенію предать,—что въ упрѣ совершилось. Но и шущъ приключилось нѣчто не простое и такое, что трудно сказать, удивленію ли паче, или смѣху оно подлежишь? Дванадцятаго дня Февруарія, на веходъ солнца, всѣ чины, въ домъ представльшагося Государя сошлись. Но долго ничего не дѣлано и невѣдомо чего ожидали. Мы думали, что къ церемоніи оной не все изгошовлено, однакожъ ничего, чтобъ не гошова было, усмотрѣшь не могли. И когда нѣкто изъ знашвыхъ особъ, спуживъ долгимъ сидѣніемъ, спросилъ у одного дѣйствія того управителя: для чего походъ досель не начинаешся? онъ ему отвѣчалъ, что еще не дождались отъ Верховнаго Совѣща опредѣленія: гдѣ и какъ бышь въ церемоніи покой-

наго Государя невѣсть? А она, де, пребуешъ себѣ, какъ мѣста, шакъ и наряда и всей славы Императорской. И шо многіе слыша, великимъ негодованіемъ возропшали, браня и проклиная необычное шѣхъ людей безспудіе. И ничего дожидашься не веля, успроились всѣ къ погребальному походу, въ которомъ мечпанная Императрица нигдѣ неявилась. Всякъ же можешъ шущъ видѣшъ, чшо Князя Алексѣя, родишеля помянушой невѣсты, и другихъ имѣ сродниковъ и сіе дѣльцо было, и чшо они, видя у себя опшняное, которое мечпали въ рукахъ своихъ имѣшъ, монаршіѣ скипетръ, не оставляли ничего, чшобы не показалось къ высокостп ихъ угодное. Прежде уже мы показали, какъ безспудно Князь Алексѣй оный показывалъ харпію, яко бы прямой завѣшъ опѣ Петра II написанный. А когда шо не удалось, шо избрали они Императрицу, да безъ власпи и силы, чшобѣ самы шѣмъ завладѣли и они бы дѣломъ царшвовали, а Государыня царскимъ шолько именемъ шѣшилась. Но дабы и видѣ славы царской не весьма опѣ дому ихъ оплучался, сію-шо шшучку упошребитѣ зашѣяли. — Понеже, если бы Кашерина ихъ въ погребальной церемоніи Императорское

мѣсто заняла, сдѣлали бы оную, если не равною самой Государынѣ, по хощя вшороспепенною, да еще чаю и на помѣ не остановились.

Того же Февруарія въ . . . . . день, кошорый погда воскресный былъ, Импераприца Анна въ Москву вошла съ великою славою, да и сама не имѣла чѣмъ веселишься, и многіе о бѣдномъ ея соспояннїи шужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскїй, пошчасъ узнала, что она якобы полонена и заключена въ честную шюрму. И нельзя сей было иначе думашъ, понеже Князь Василій Лукичъ Долгорукой, кошорый изъ Курляндіи привезъ ея въ Москву, у самыхъ дверей свѣшлицъ, ко пребыванію ея угошованныхъ, занялъ себѣ другія свѣшлицы, такъ что никому невозможно было досшупишь до Государыни безъ его позволенія; да и кого допускала, за шѣмъ и самъ вхаживалъ, и никшо опнюдь, ниже сестры Ея Величештва, не воленъ былъ, что ни ешь поговоришь, развѣ присущешвуюшу и слышащему ему.

Между шѣмъ верховные господа прежнюю присяги форму, кошорою народъ на вѣрность Государю своему себя обязуешъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ обносилаь

речь, самодержавіе заключающая. И попомъ Февраля въ . . . . . день всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вокругъ по площади многимъ воинствомъ обставлена была. И тогда, въ собраніи Верховнаго Совѣща, нѣкоторые изъ Шляхетства о перемѣнной присяжной формѣ спорили. А въ Палатѣ Синодской, первый членъ, Архіепископъ Новгородскій, какъ къ товарищамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочимъ Архіереямъ и Архимаандритамъ, (а было многое число), увѣщательную речь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга, и вѣчно наводишь бѣдство, если кто присягаетъ на то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хочешь, или не вѣдаетъ; и для того наспоилъ, дабы Синодъ отъ Верховнаго Совѣща новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, чтобы зналъ, что въ ней содержишься. И тако изъ Синода въ Верховный Совѣщъ секретари посланы, ходили, и возвращались одинъ по другому, и доносили, что господа верховники не оприцають прислать въ Синодъ требуемую форму, однако жъ не присылали. И когда того синодальныя многократно чрезъ посылаемыхъ секретарей до-

могались, а верховные многократно прислапъ
 обѣщались, внезапно въ Синодъ повѣщено, что
 господа верховные въ церковь вошли и духов-
 ныхъ тамо ожидающъ. Новгородскій пою вѣдо-
 мостію смущенъ, совѣщавалъ не ходишь шуда,
 но какъ увидѣлъ, что всѣ идушъ, будпо бы
 нѣкоею силою влекомы, и самъ за ними пошелъ.
 Только же что вошли Архіереи въ церковь,
 пошчасъ господа верховные спали ласкашельно
 просишь ихъ, дабы первые они учинишь прися-
 гу изволили, яко всего народа пастыри и въ
 духовныхъ дѣлахъ предводилели. И тогда Ново-
 городскій, восприсивъ у собраннаго народа мол-
 чанія, кошорое и сдѣлалось, въ шой же силъ
 какъ говорилъ въ Синодъ, всѣмъ въ слухъ о
 присягъ проповѣдывалъ. Великое собраиныхъ
 было множеспво, и всѣ изъ шляхеспсва. И на
 слова Архіерейскія, крашкіе изъ кучи опшвѣшы
 съ въздыханіемъ произнеслись, что истинное
 шое наспавленіе, и что присяга дѣло спрашное!
 Увѣщевалъ же всѣхъ Архіерей, дабы никпо
 безразсудно присягашъ не шоропился, и домо-
 гашься спалъ, чтообъ первѣе форма присяги
 всѣмъ въ слухъ и съ амвона прочшена была,
 чтообъ всѣ могли вѣдашь, на что присягашъ над-

лежишь, или не надлежишь. Прекословилъ же Новгородскому князь Дмишрїй Голицынъ, но изъ рѣчей его Архіерей оный вящшія къ дѣлу своему доказательства выводилъ. Но прочіе изъ верховныхъ, опасаясь, что бы не пришло до смушки, скоро на шребованіе Новгородскаго позволили. Да и шущъ вещица весьма чудная приключилась: когда вельно секретарю взойши на амвонъ и формулу присяги прочешъ, и се ни у него и ни у кого не было формулы, копорыхъ многія шысячи напечатано. Изъ чего можно видѣшь, что факція оная все шорѣпо и непорядочно дѣлала, и въ зашѣйкахъ своихъ больше имѣла шпраха, нежели упованія. Когда же принесли и прочли формулу, спало явно слышащимъ, что хопя нѣкія прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, выключены, однако же не включено другихъ, копорыя бы ясно изображали новыи и опъ прежняго разншвующій владѣнія образъ, и осьмоличные оные владѣтели не именованы, (чего найпаче весь народъ, ожидая, дрожаль), и о подверженныхъ Государынѣ договорахъ ничего неупомянуто. И вся присяги перемѣна въ сихъ рѣчахъ была, что присягающъ опечешву и Государынѣ. Того ради, какъ Архі-

ереи, такъ и изъ мірскихъ начальнѣйшіе поразсудивъ, что формула верховникамъ не къ пользѣ и впредь къ раздруженію намѣренія ихъ помѣшки сдѣлать не можешь, приговорили, принявъ оную снисходительно. И тако, по словамъ оной формы присягу исполнили. Обносишь же, что сочинена была формула иная, запѣйкамъ верховныхъ господъ служащая весьма, да произнесеть ее господа не посмѣли.

Видно же изъ сего, что господа верховные ни какой себѣ выпоржки не получили, однако жъ какъ они, такъ сродники и друзья ихъ, яко бы въ нѣкоемъ благопоспѣшеніи своемъ, шоржеспивовали. Учинилась изъ того другимъ не малая шревога и разные догады родились: одни думали, что господа оныя припворяють себѣ видъ веселія, чтобъ себя побѣжденныхъ не показать; а другіе, радость ихъ въ помѣ бышь разсуждали, что прошивная ихъ факція кое-какъ зашла, и шакшая шипшина угодна имъ къ вящшему дерзновенію. Простые и прусливые говорили, что въ новой оной присяжной формѣ нѣкое содержаніе шайнспво, самымъ шолько шворцомъ вѣдомое, а прочимъ непоспигаемое. Что же по ни было, шолько нахальная оныхъ господъ бо-

дроспъ всѣмъ была съ досадою. Паче же всего бѣднѣе самой Государыни состояніе, аки бы предъ очима ходящее, на гнѣвъ и яроспъ позывало. Не приходишь она, не видишь; не поздравляешь ее народъ. А когда шому всюду вѣспъ приносилась, что Кн. Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдешь неприсшупну, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣсно: жива ли? а если жива, шо насилу дышешъ, и что оныя пираны имѣюшь Государыню за шѣнь Государыни, а между шѣмъ злѣйшее нѣчто промышляюшь, чего другимъ и догадывашься нельзя. Сія и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожила другой компаніи ревностъ, и жестпочаѣ, нежели прежде, воспрянулась. Видѣшь было на многихъ, что нѣчто весьма спранное умышляюшь, но шихомирныя головы къ шому всѣхъ приклонили, дабы мяшежное оное господство упразднишь правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ. Сшедшись въ едино собраніе, многіе изъ шляхешства написали Государынѣ челобитную, въ копорой объявили, что бывшее въ Курляндіи посольство не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома, и нарочно скрышно усшроено ошъ при-

вашныхъ осьми челоувѣкъ для домашнихъ ихъ инпересовъ, и покорно просящъ Ея Величешва, чшобъ договорное Курляндское письмо ей подверженное, (хотя она лживому доносу проспошю повѣря, и подписала), изволила опвергнушь и уничтожитъ, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель опечешва опъ немногихъ зашѣйчиковъ изданный. И скоро великимъ множешвомъ въ палашы Царскія вшедь, спали шребовашъ, дабы до Ея Величешва приспунить имъ позволено. Сіе услышавъ, выбѣгъ къ нимъ Князь Василій Лукичъ, и пришворяся, будшо бы во всемъ шомъ съ ними согласенъ, спалъ сочиненной опъ нихъ челобитной просить, обещава шощасъ оную подашь въ руки Ея Величешва. Но никшо такъ нечувспвишельный не былъ, кшо бы коварешва его не узналъ. Всѣ вопишь спали, чшо подданныхъ опъ Государыни, и сыновъ опъ машери опрывать не надлежитъ, а кшо не такъ мудрешвуешъ, шощъ врагъ ешь и Государыни и государешва. И шакко онъ, спыда, спраха и яросши исполненъ, опшошелъ опъ нихъ.

Была шогда у Государыни сешпра ея, Царевна Екашерина, и она прежде о шаковомъ

шляхешспива намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все, чшо сдѣмалось, Государынь донесла, увѣщевая войши къ нимъ и послушашъ ихъ челобитшья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось. Вышла Государыня въ залу и, сшоя подъ балдахиномъ, впустишъ просителей и прошеніе ихъ пречесшъ повелѣла; а по прочпеніи шого приказала пошчасъ подать себѣ письмо Курляндское (11). Потомъ пропзнесла крашкую рѣчь въ таковои силѣ, чшо, хопя весьма шяжелые поданы ей были царшвованія договоры, однако же вѣруя, какъ ей докладывано, чшо оные ошъ всѣхъ чиновъ и ошъ всего Россійскаго народа шребующся, для любви опечесшва своего подписала. А понеже нынѣ извѣспно являешся, чшо лжею и лестію сдѣманъ ей обманъ, шого ради оные договоры, яко сущемо неправдою ошъ себя испорженные, уничтожаешъ, и рукописаніе свое никому впредь имѣшъ за важное приказуешъ. И по сказавъ, пошчасъ упомянушое письмо, до рукъ ея поданное, разодрала и на землю бросила. Воскликнуло предшоящее всѣхъ множесшво, зѣло Ея Величесшво благодаршвуя и кланяясь.

Были же при томъ нѣкопорые и ошъ верховниковъ, и когда просишли оныя, благодаря Государыню, кланялись, тогда и сіи поклонились, — кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣху матерію (12).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

---

(1) По извѣстіямъ Мальгина: »Зерц. Рос. Государей«
Петръ II скончался Янв. 19 дня, въ Москвѣ. — За малолѣтствомъ его, правленіе государства вручено было правительствующей опекѣ, которая состояла изъ слѣдующихъ особъ: 1, Голштинской Герцогини Анны Петровны съ супругомъ; 2, Великой Княжны Елисаветы съ нареченнымъ женихомъ ея, Голштинскимъ Герцогомъ и Любскимъ Епископомъ; 3, Фельдмаршала Князя Меншикова; 4, Генераль-Адмирала Графа Апраксина; 5, Канцлера Графа Головкина; 6, Вице-Канцлера Остерманна; 7, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя Дм. Мих. Голицына и 8, Князя Вас. Лук. Долгорукаго.

(2) Только Верховный Совѣтъ, Сенатъ и первыхъ классовъ Генералитетъ остались въ Кремлевскомъ дворцѣ. Тамъ они разсуждали, безъ духовенства, о избраніи преемника престола. Канцлеръ Графъ Головкинъ первоначально потребовалъ отъ cadaго изъ нихъ своего мнѣнія. Князя Дм. Мих. Голицына и Вас. Лук. Долгорукаго предложили избрать Курляндскую Герцогиню Анну, съ тѣмъ, чтобы правленіе ея было ограничено.

Причина, почему Герцогиня Анна предпочтена была старшей сестрѣ своей Екатеринѣ, Княгинѣ Мекленбургской, находившейся въ Москвѣ, была та,

что Курляндская Герцогиня находилась тогда въ Митавѣ, а это ея отсутствіе и дальнее разстояніе дало имъ время начертить образъ придуманнаго ими новаго правленія. Всѣ голоса пали въ пользу Анны; даже это было одобрено Верховнымъ Совѣтомъ, который состоялъ большею частию изъ Долгоруковыхъ и ихъ родственниковъ. Не смотря на единодушное желаніе, дочь Великаго Петра, Елисавета, могла быть коронована, если бы послѣдовала совѣтамъ Лейбъ-Медика своего Гр. Лестока, требовавшаго настоятельно, что бы она, собравъ гвардію, явилась къ народу и объявила свои права на престолъ; но Великая Княжна не захотѣла даже выйти изъ комнаты: можетъ быть она не имѣла довольно твердости духа, чтобы привести въ исполненіе это важное предпріятіе. Говорятъ, что невинныя занятія: чтеніе книгъ, музыка, удовольствіе мирной жизни, предпочитала она славѣ царствованія. Во все Императорствованіе Анны она никѣмъ не была тревожима, и это, быть можетъ, по тому, что она пристрастилась къ спокойной жизни. Впрочемъ, въ это время, не было замѣтно ея приверженцевъ: такъ было ихъ мало. Многіе изъ вельможъ открыто говорили: Княжна молода, чтобы быть Императрицею. Когда Елисавета сдѣлана была Императрицею, Генераль Кейтъ, разговаривая съ нею объ этомъ происшествіи, обнаружилъ крайнее свое удивленіе, что она, имѣвъ и прежде въ своихъ рукахъ средства къ достиженію трона, пренебрегла

ихъ; тогда Государыня отвѣчала ему: »Я весьма рада, что въ то время не воспользовалась, потому что я тогда была очень молода, и государство потерпѣло бы чрезъ меня.« — *Manst. Mém. sur la Russie*, с. 34—37. Когда Анна взошла на престолъ, Елисаветъ было 21 годъ отъ роду.

(3) Дочь его Екатерина была обручена съ Петромъ II въ 1729 г. Нояб. 30, а Петръ II сконч. въ 1730 году, Янв. 19 дня. — Кн. Алек. Григ. Долгорукій былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Гофмейстеромъ и помощникомъ Гр. А. И. Остермайна въ воспитаніи Петра II.

(4) Укоряютъ еще Долгоруковыхъ въ томъ, что они отъ всѣхъ скрывали опасную болѣзнь Императора, и когда уже увидѣли, что нельзя болѣе таить, написали завѣщаніе, по коему Княжна Екатерина, невеста Императора, наименована была преемницею престола. — Князь Иванъ Алексѣевичъ, родной братъ ея, подписалъ вмѣсто Императора, какъ обыкновенно дѣлывалъ при жизни его. — Едва Петръ II закрылъ глаза, Князь Иванъ вышелъ изъ комнаты, съ обнаженною въ рукѣ шпагою, и первый прокричалъ: *да здравствуетъ Императрица Екатерина!* Но видя, что никто не отвѣчаетъ ему на это, вложилъ шпагу въ ножны, отправился домой и сжегъ завѣщаніе.

Очень многіе утверждаютъ, что этого завѣщанія

никогда не существовало; что оно выдуманно было Долгоруковыхъ врагами, которые хотѣли этимъ самымъ сдѣлать ихъ еще болѣе ненавистными; однако, нельзя не замѣтить, что подобное завѣщаніе упоминается и въ манифестахъ, писанныхъ противу Князей Долгоруковыхъ. — *Manst. Mém. sur la Russie*, с. 32 и 33.

(5) Бабка Петра II была первая супруга Петра I, Евдокія, въ инокиняхъ Елена, дочь окольного Теодора Авраамовича Лопухина. — Она родилась 1669 г. Юля 30-го, скончалась 1731 г. Августа 27-го, на 62-мъ году своей жизни. Внукъ освободилъ ее изъ заточенія Суздальско-Покровскаго Монастыря въ 1727 г. и перевелъ въ Москву, въ Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, гдѣ она умерла. — *Мальг. Зер. Рос. Гос.* 6524.

(6) Екатерина и Парасковія родныя сестры Императрицы Анны. — Отецъ ихъ, Царь Іоаннъ, имѣлъ слѣдующихъ дѣтей, и все въ женскомъ колѣнѣ: 1. Марію, род. 1689 г. Мар. 21, сконч. 1692 г. Фев. 13. — 2. Θεодосію, род. 1690 г. Юля 4, годъ кончины не показанъ. — 3. Екатерину, которая была второю супругою Мекленбургскаго Герцога; она род. 1691 г., Октября 29, сконч. 1733 г. Юля 8. — 4. Анну, род. 1694 г. Янв. 28, скон. 1740 г. Окт. 17. — 5. Прасковію, род. 1695 г. Сент. 24, скон. 1731 г. Окт. 8. См. Мальгина *Зерц. Рос. Госуд.* — Изъ пяти дочерей Царя Іоанна замѣчательны: 1) Екатерина, супруга Мекленбургскаго Герцога, которая возвратилась въ Москву вдовою, въ

1722 г., съ дочерью своею Елисаветою Екатериною Христиною, во Св. крещеніи Анна, и эта послѣдняя была въ замужествѣ за Антономъ Ульрихомъ, Герцогомъ Брауншвейгскимъ; она была правительницею государства одинъ годъ, въ малолѣтство сына своего Іоанна, умершаго въ Шлисельбургской крѣпости; и

2) Императрица Анна.

(7) Это самъ Теофанъ Прокоповичъ. Сынъ Кіевскаго купца, онъ былъ Архіепископомъ Новгородскимъ и первенствующимъ Членомъ Синода.

(8) Къ Курляндской Герцогинѣ, въ Митаву, отправлены были депутатами: Князь Вас. Лук. Долгорукій, со стороны Верховнаго Совѣта; Князь Мих. Голицынъ, со стороны Сената; Генераль-Лейтенантъ Леонтьевъ, со стороны дворянства. Имъ поручено было объявить Аннѣ о избраніи ея на престоль, но съ тѣмъ, чтобы она не привозила съ собою въ Москву, любимца своего Бирона, и дала бы письменное обязательство, что она согласна на ограниченіе самодержавія. Императрица согласилась и подписала слѣдующія статьи:

1. Управлять государствомъ вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ.
2. Самой ей не начинать войны и не заключать мира.
3. Не налагать податей и не жаловать никого въ высокіе чины.
4. Никого не наказывать смертію изъ дворянъ, не разсмотрѣвъ предварительно преступленіе.
5. Не описывать ничего имѣнія въ пользу государства.
6. Не жаловать никому земель, при-

надлежащихъ коронъ, и не переводить ихъ въ другія руки. 7 Не имѣть власти вступить въ супружество и избрать по себѣ наследника, не испросивъ обо всемъ этомъ согласія Верховнаго Совѣта. Этими условіями Верховный Совѣтъ думалъ оградить себя въ самовластіи и, чтобы болѣе обезпечить, обязалъ все войско клятвеннымъ обѣщаніемъ исполнить все это; своему же собранію запретилъ подъ смертною казною увѣдомлять избранную Императрицу прежде отправленныхъ къ ней Депутатовъ. Не взирая на подобныя предосторожности, Генераль-Лейтенантъ Графъ Ягужинскій отправилъ отъ себя ночью, въ Митаву, адъютанта своего Сумарокова, предупредить Императрицу о всемъ томъ, что предназначено было Верховнымъ Совѣтомъ. Въ письмѣ своемъ онъ просилъ, чтобы Государыня, покорясь предлагаемымъ условіямъ, поспѣшила потомъ пріѣхать въ Москву; что онъ между тѣмъ, до прибытія ея въ столицу, постарается собрать приверженную ей партію; что его тесть, Канцлеръ Графъ Головкинъ, уже на ея сторонѣ, и что все будетъ сдѣлано по ея желанію.

Поездка Сумарокова была весьма опасная: всѣ дороги вокругъ столицы были прикрыты стражею, которая обыскивала всѣхъ проѣзжавшихъ: не было ли съ ними какихъ либо тайныхъ бумагъ? Но Сумароковъ, переодѣтый въ крестьянское платьѣ, искусно проскользнулъ; только на предѣлахъ Курляндіи подвергся

было бѣдѣ, потому что тамъ запрещено было пропускать ѣхавшихъ изъ Москвы въ Митаву. И не смотря на то, съ помощію хитрости, Сумароковъ пробрался и доставилъ депеши Императрицѣ, въ такое уже время, когда депутаты прибыли и требовали аудіенціи.

Князь Долгорукій, услыхавъ о томъ, что курьеръ представлялся Герцогинѣ, велѣлъ его искать повсюду. Между тѣмъ, Сумароковъ исполнивъ возложенное на него дѣло, немедленно отправился въ путь. Долгорукій узнавъ, что онъ уже въ дорогѣ, послалъ за нимъ въ догонъ; на дорогѣ его схватили и привезли къ нему. Депутаты встрѣтили гонца, Сумарокова, кулачными побоями; потомъ, повелѣвъ заковать его, отправили въ Москву. Графъ Ягужинскій, по ихъ же приказанію, немедленно былъ посаженъ въ тюрьму.

Нѣкоторые говорятъ, будто бы Императрица сама хвалилась депутатамъ, зачѣмъ пріѣзжалъ къ ней Сумароковъ; но я въ этомъ сомнѣваюсь, говорить Манштейнъ. Справедливо только то, что Сумароковъ былъ забытъ Императрицею и во всю жизнь свою, вмѣсто награды, никуда не былъ опредѣленъ, и умеръ въ крайней нищетѣ. — *Manst. Mémoires sur la Russie*, с. 35, 38—40.

(9) Такъ въ рукописи.

(10) По словамъ Манштейна (*Mémoires sur la Russie* с. 40) Государыня прибыла въ Всесвятское Фев. 20

и здѣсь прожила пять дней. — Едва она пріѣхала сюда, Канцлеръ Головкинъ немедленно представился ей, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ членовъ Верховнаго Совѣта, и поднесъ ей на золотомъ блюдѣ Андреевскую ленту со звѣздою. Императрица, увидавъ это, сказала: »Ахъ! я забыла переодѣться,« сама взяла съ блюда орденъ и приказала одному изъ ея приближенныхъ надѣть на нее, не позволивъ этого никому изъ членовъ Совѣта. Когда Канцлеръ хотѣлъ ее привѣтствовать, она то же не позволила. Въ тотъ же самый день Государыня произвела Графа Салтыкова, одного изъ близкихъ родственниковъ по матери своей, въ подполковники гвардіи. Это первое ея дѣйствіе обнаружило самовластіе. Совѣтъ и Сенатъ тотчасъ снова заставили подтвердить ее письменно, что она не преступитъ данныхъ обязательствъ своихъ. Соображаясь съ стѣснительнымъ своимъ положеніемъ, Государыня соглашалась и на это, показывая видъ, что совершенно все одобряетъ, между тѣмъ какъ тайныя ея сношенія съ преданными особами совершенно противорѣчили этому. Любимецъ Биронъ прібылъ въ Москву; это произвело явный ропотъ; но чтобы поддержать себя, она заглушила щедрыми наградами неудовольствіе и тѣмъ поселила раздоры между членами Верховнаго Совѣта. Все пошло по ея желаніямъ. Въ угодность ей разстѣяли молву между народомъ и арміею, что Долгорукіе и ихъ родственники сами хотятъ властвовать,

что собственно принадлежит одной Императрицѣ; что они не допускаютъ ея къ самодержавію, единственно изъ своихъ выгодъ, и по этому еще при жизни Петра II успѣли усилиться; что члены Верховнаго Совѣта и Сената суть большею частію Долгорукіе; что должно вспомнить о ихъ усиліи и злоупотребленіи передать корону дому своему, и что они и теперь не лишаются надежды владѣть престоломъ. Не забыли внушить дворянству: пока Верховный Совѣтъ будетъ держать въ рукахъ своихъ могущество, ни одинъ изъ дворянъ не долженъ льститься получить когда-либо важное мѣсто, и всѣ первыя должности будутъ раздаваться родственникамъ или людямъ пресмыкающимся; что весь народъ останется въ угнетеніи; между тѣмъ, если Императрица сдѣлается самодержавною, то самый бѣдный дворянинъ достигнетъ первыхъ почестей наравнѣ съ княжескими родами, чему примѣры безчисленные почерпнуть можно изъ счастливаго царствованія Петра I, который почиталъ одни заслуги, и если этотъ великій Государь иногда былъ строгъ, тому причиной злонамѣренные люди. Подобныя предостереженія, очень кстати направленныя по времени, произвели всюду волненіе умовъ. — Гвардія, въ которой служили солдатами дворяне, вспыхнула мщеніемъ къ Долгоруковымъ, и тогда же, сотни зажиточныхъ помѣщиковъ стали собираться на совѣщанія въ дома Князей: Трубецкаго, Борятинскаго и Черкаскаго, къ которымъ имѣли большую довѣ-

ренность, потому что послѣдніе защищали права Императрицы. — *Manst. Mém. sur la Russie*, с. 40—43.

(II) Князья: Трубецкой, Борятинской и Черкасской, (бывшій въ послѣдствіи Государственнымъ Канцлеромъ), вознамѣрились вручить самодержавіе Императрицѣ Аннѣ. На этотъ конецъ собрали они шесть сотъ челоуѣкъ дворянъ, съ ними представились Государынѣ, вопреки Князю Вас. Лук. Долгорукому, и просили, чтобы она повелѣла Верховному Совѣту уничтожить ограниченіе самодержавной власти. Императрица охотно согласилась, и повелѣла Графу Салтыкову немедленно занять гвардіею всѣ входы и выходы Кремлевскаго дворца. Въ скоромъ времени все было исполнено. Верховный Совѣтъ и Сенатъ собрались. Императрица между тѣмъ потребовала къ себѣ представлявшихся ей недавно депутатовъ съ дворянствомъ, въ общее собраніе, гдѣ она уже стояла подъ царскимъ балдахиномъ. Графъ Матвѣевъ, избранный дворянами для объясненія стѣснительнаго положенія Государыни, объявилъ, что она обманута депутатами Верховнаго Совѣта; что Россія, управляемая многіе вѣки самодержцами, но не совѣтомъ, просить ее принять бразды правленія; что и весь народъ, котораго преданности онъ равноуѣрно поручитель, желаетъ, чтобы потомство Ея Величества царствовало до скончанія вѣковъ. Императрица, слыша эти слова, притворилась изумленною. »Развѣ бумаги,« сказала она тревожнымъ голосомъ, какъ будто бы

теперь только узнала, «которые подписала я въ Митавѣ, поднесены мнѣ безъ согласія дворянства и народа?» Почти все собраніе отвѣчало: «да!» Обратясь къ Князю Вас. Лук. Долгорукому, сказала она: «Какъ же это, Князь Василій Лукичъ? Ты меня обмануль!» Потомъ, обратясь къ Канцлеру, приказала ему читать вслухъ, подписанныя ею обязательства на ограниченное правленіе. Графъ Головкинъ началъ читать и при каждой статьѣ былъ останавливаемъ Императрицею, которая спрашивала у всего собранія: «Сообразно ли это условіе съ духомъ народа?» Собраніе отвѣчало: «нѣтъ!» По прочтаніи всѣхъ статей, она взяла бумагу изъ рукъ Канцлера, разорвала и произнесла: «Эти бумаги не нужны! Русская Имперія всегда была управляема одною особою, и этого требую я, тѣмъ болѣе, что вступаю на престолъ не по избранію Верховнаго Совѣта, но по праву наслѣдства. Всѣ тѣ, которые воспротивятся моему самодержавію, будутъ наказаны, какъ измѣнники.» Всѣ, преданные ей, одобрили, и всюду слышны были крики радости. потомъ Государыня всѣмъ объявила: «Благо народа теперь въ рукахъ моихъ; потому, я буду царствовать со всею справедливостію и кротостію; буду пользоваться одними добрыми совѣтами Сената, и строгость свою употреблю въ крайнихъ только случаяхъ.» Для огражденія своей безопасности, Императрица приказала разставить по всѣмъ улицамъ войско, которое по-

клялось служить ей вѣрою; во всѣ губерніи немедленно были отправлены курьеры съ извѣстіемъ: о принятіи Императрицею самодержавія.

Дворянство и народъ, страшившіеся правленія Верховнаго Совѣта, радовались переменѣ; но вечеромъ, въ тотъ же день, когда появилась на горизонтѣ, какъ бы облитая вся кровью, сѣверная звезда, навела такой ужасъ, что всѣ трепетали и толковали о бѣдствіи Россіи. Гаданіе народа, говорить Манштейнъ, совершенно въ послѣдствіи оправдалось, когда Биронъ слѣмался временщикомъ.

Когда потребовали къ Императрицѣ членовъ Верховнаго Совѣта, страхъ ихъ былъ чрезвычайный, особенно Долгорукихъ. Одинъ только Князь Дм. Мих. Голицынъ, сохраняя обычную свою важность и твердость, сказалъ своимъ друзьямъ: »Закуска была приготовлена, но званые гости не достойны ея! Я очень знаю, что я теперь жертва: пусть такъ: я пострадаю за отечество! Я уже перешелъ поле жизни своей, и тѣ, которые будутъ оплакивать меня, будутъ страдать болѣе меня.«

По восшествіи на престолъ Императрицы Анны, Графъ Ягужинскій былъ выпущенъ изъ тюрьмы. *Manst. Mém. sur la Russie*, с. 43, 45—47.

(12) Князья Долгорукіе, взятые подъ стражу, были преданы суду. Между многими преступленіями, ихъ обвиняли, что они не старались объ образованіи Им-

ператора Петра II; разстроили его здоровье охотой, отъ чего преждевременно онъ умеръ, хотѣли сочетать бракомъ незрѣлаго еще въ годахъ Петра II съ Екатериною. Императрица, даровавъ всѣмъ имъ жизнь, сослала Княжну Екатерину въ дальній монастырь; брата ея, Ивана, отца, дядей и всѣхъ родственниковъ въ дальніе города Сибири. Имъ всѣмъ запрещено было вести другъ съ другомъ переписку, безъ позволенія Двора. Только Фельдмаршалъ Долгорукій и братъ его Тайный Совѣтникъ, были пощажены. По прошествіи уже нѣкотораго времени, когда Фельдмаршалъ сталъ дурно отзываться о Дворѣ, его схватили и посадили въ крѣпость Ивангородъ; по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ посадили и брата его, за то же самое, въ Шлиссельбургскую крѣпость. Оба они томились въ заключеніи до вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы.

Изгнанные Долгорукіе жили восемь лѣтъ покойно, какъ вдругъ Императрицѣ захотѣлось употребить одного изъ нихъ на службу: этотъ жребій палъ на Сергѣя Григорьевича, занимавшаго уже мѣста посольскія при Дворахъ: Версальскомъ, Вѣнскомъ и Лондонскомъ. Его вызвали въ Петербургъ, чтобы отсюда отправить посломъ въ Лондонъ. Дворъ, принявъ его ласково, уже вручилъ ему кредитивныя грамоты; но враги, наканунѣ отъѣзда, успѣли оклеветать его и всю его фамилію. Въмѣсто посольства, отвезли его подъ стражею въ Новгородъ съ прочими родственниками.

Тамъ возобновили обвиненія за составленіе ими завѣщанія въ пользу Княжны Екатерины, провозглашенной преемницею престола; оклеветали въ сношеніи съ иностранцами, съ коими будто бы вели переписку во время изгнанія, ко вреду отечества. Судъ производился не долго: Князья Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ и прочіе, были казнены.

Двойное наказаніе Долгорукихъ многимъ покажется невѣроятнымъ, но оно точно такъ случилось. Когда Долгорукіе были сосланы, непріатели ихъ остались въ покоѣ; какъ только Императрица вызвала нѣкоторыхъ изъ заточенія, то враги, боясь, чтобы они, снова возвысясь, не усилились, приняли свои мѣры къ ихъ пагубѣ. Вольнскій, какъ утверждаютъ, болѣе всѣхъ старался истребить ихъ. Истинная же причина таится въ мстительномъ сердцѣ Бирона, который никогда не могъ простить имъ, что они настаивали у Императрицы, еще въ Митавѣ, не брать его съ собою.

Князья Голицыны, связанные съ давнихъ временъ узами родства съ Долгорукими, такъ же потерпѣли въ паденіи. Ихъ удалили только отъ Двора, отославъ на Губернаторскія мѣста въ Казань и Сибирь. Во все царствованіе Императрицы Анны, Голицыны не были возводимы ни въ какія почести. — Manst. Mém. sur la Russie, с. 49—53 и 59.

Императрица Анна, до того простерла немилость на родъ Долгорукихъ, что жестоко наказавъ какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ, не позволяла прочимъ Долгорукихъ, непрічастныхъ ни къ какому преступленію, производить даже капитанскаго чина. См. Мальгина »Зерц. Рос. Госуд.« с. 567.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	ЧИТАТЬ.
4	10	КО	НО
4	14	1786 г.	1736 г.
5	21	СВОЙ	ЕГО
13	5	ПРАДЕЧНАГО	ПРАДЪДЕЧНАГО
23	19	ӨБЛИКИ	ОСЛИКИ
37	9	ПРЕЧЕСТЬ	ПРОЧЕСТЬ.

По отпечатаніи сочиненія **Обофана Прокоповича**, подъ заглавіемъ: «**Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ, блаженныя и ввѣчнодстойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія**» я отыскалъ еще другую въ рукописи, хранящуюся въ Императорской публичной библиотекѣ: «**О кончинѣ Императора Петра II. и о вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны.**» Свѣривъ съ издавною мною, я нашелъ, что она одна и таже, кромѣ прибавочнаго заглавія. Было ли оно выставлено самымъ **Обофаномъ**, или переписчикомъ? — неизвѣстно. — Рукопись Император. публичн. библи. писана въ концѣ XVIII в. и помѣщена въ сборникъ на стран. 15. — Представляя здѣсь разность двухъ этихъ рукописей, я отличилъ ихъ именами владѣтелей.

Рук. Терещенка.

Рук. Импер. публ. библ.

СТРАН. СТРОК.

1 2 1730 г. янв. 18.

1732 г. янв. 18.

4 3 МЕНЬШЕ ЧАСА,

ПОСЛѢ ЧЕГО МЕНЬШЕ ЧАСА

И ПРЕВЫЛИ

ПРЕВЫВАЛИ

<i>Рук. Терещенка.</i>		<i>Рук. Импер. публ. библ.</i>	
5	3	ЗАБЛАГОРАЗ- СУДИЛОСЬ, КЪ НАХОДЯЩЕМУ ДНЮ	ЗАБЛАГОРАЗСУДИЛОСЬ ОТ- ЛОЖИТЬ ТО КЪ НАСТОЯ- ЩЕМУ ДНЮ; И ВЪ ПАЛА- ТАХЪ ВЕРХОВНАГО СОВѢТА
5	25	СВОЙСТВЕННИ- КОВЪ.	СОВѢТНИКОВЪ.
6	5	СОСТАВОМЪ ЦВѢ- ТУЩИЙ.	ЦВѢТОМЪ ЦВѢТУЩИЙ.
6	8	О БЛИЗКОЙ СВОЕЙ СМЕРТИ? А КОГ- ДА ПРИШЛА ЕМУ БОЛѢЗНЬ	О БЛИЗКОЙ СВОЕЙ СМЕРТИ, НЕ ТО, ЧТОБЪ ПЕЩИСЯ И ПРОМЫШЛЯТЬ ЧЕМУ БЫТЬ ПО КОНЧИНѢ СВОЕЙ? А КОГДА ПРИШЛА ЕМУ БО- ЛѢЗНЬ
6	10	НЕ БОЛѢЕ ДВѢ- НАДЦАТИ ДНЕЙ, УДРУЧАЯ ЕГО У- МЕРТВИЛА,	НЕ БОЛѢЕ КАКЪ ВЪ ДВА- НАДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ЕГО У- МЕРТВИЛА
9	18	И ЧТО БОЛЬШУЮ	И ТѢМЪ БОЛЬШУЮ
10	11	ДЕВЯТЬ ЧЕЛО- ВѢКЪ.	ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВѢКЪ
13	8	ДОСЯЗЛИ, ЧТО ГОЛИЦЫНЫ СЪ ДОЛГОРУКИМИ, ПРЕЛЬЩЕНЫ ЛИ ИМЪ БУДУЧИ,	ДОВЕЛИ, ЧТО ГОЛИЦЫНЫ ДОЛГОРУКИМИ, ПРЕЛЬЩЕ- НЫ, ИЛИ ОПАСНЫ БУДУ- ЧИ,
14	4	ВИДѢТЬ	ВВОДИТЬ
14	10	ТОРЖЕСТВО.	ТИРАНСТВО.
18	4	КРОТКОЕ.	КРАТКОЕ.
19	21	ДѢЙСТВІЯ. НА- РОЧНО ОТЪ НИХЪ	ДѢЙСТВІЯ: И КОГДА УЗНА- ЛИ СІЕ, ПОКАЗЫВАЛИ СЕ- БѢ ЖЕСТОКО ГРОЗНЫХЪ И ЯРОСНЫХЪ. НАРОЧНО ОТЪ НИХЪ

<i>Рук. Терещенка.</i>		<i>Рук. Импер. публ. библ.</i>	
20	24	СОСЛОВІЮ	СОГЛАСІЮ
20	24	КЛАНЯЯСЬ	РАТЯСЬ
21	14	СЛЫШАТЬ, ВЪ- ДАТЬ, ЧТО ТО ОБМАННОЕ ЛО- ВИТЕЛЬСТВО	СЛЫШАТЬ: ТОТЪ ПОЧТ- ТАТЬ СЯ ОБМАННОЕ ЛО- ВИТЕЛЬСТВО
22	9	ВЪ НЕЗАПЫХЪ	НЕДАВНИХЪ.
23	17	КАКАЯ ТАЙНАЯ НАШЛАСЬ ПОГО- ВОРКА	НЪКАЯ ТАЙНАЯ НАШЛАСЬ ПОГОВОРКА.
22	24	И РАДОСТНЫ БЫЛИ	И НАРЯДНЫ БЫЛИ
24	5	ПОГАРКНВАТЬ	ПОГОВАРНВАТЬ
25	8	НЕЖЕЛИ ВМЪНЯ ТО	НЕЖЕЛИ УПОТРЕБИТЬ ТО
25	15	ОБРАНЕНОЙ	ОБОРОКЕННОЙ
27	5	КОГДА	ТОГДА
27	12	НА ГЛАЗА ИХЪ ПРИСМАТРИВАЛ- СЯ	НА ГЛАЗА ИХЪ И НА РУ- КИ И ОТЪ ГОЛОВЫ ДНОГОЪ ПРИСМАТРИВАЛСЯ
27	18	ПРОРОНТЬ	ОПУСТИТЬ
30	3	И НА ТОМЪ БЫ	И ТМЪ БЫ
32	4	И ДУХОВНЫХЪ ТАМО ДОЖИДА- ЮТЬ	И ДУХОВНЫХЪ ДОЖИДА- ЮТСЯ
33	8	СЕКРЕТАРЮ,	СЕКРЕТАРЮ.
33	13	ВСЕ ТОРОПКО И НЕПОРЯДОЧНО ДЪЛАЛА	ВЕСЬМА НЕПОРЯДОЧНО ДЪ- ЛАЛСЯ
33	21	ВЛАДЪТЕЛИ НЕП- МЕПОВАНЫ	ВЛАДЪТЕЛИ ВЪ НАИМЕ- НОВАНЫ БЫЛИ
34	3	КЪ РАЗДРУЖЕ- ННО	КЪ РАЗРУШЕНІЮ

• IV.

		<i>Рук. Терещенка.</i>	<i>Рук. Импер. публ. библ.</i>
35	2	СЪ ДОСАДОЮ. ПАЧЕ ЖЕ ВСЕГО ВЪДЪВЕ	СЪ ДОСАДОЮ, И ПРЕЖИДЕ СУПРОТИВЪ ИМЪ ВОЗСТА- НІЕ ВОЗВУЖДАЛА: ПАЧЕ ЖЕ ВСЕГО БЪДНОЕ
35	4	НЕ ПРИХОДНТЬ ОНА, НЕ ВЪДЪИТЬ; НЕ ВИДАТЬ	НЕ ПРОИСХОДНТЬ ОНА НЕ ВИДАТЬ
35	12	ПРОМЫШЛЯЮТЬ	ПРИМЪЧАЮТЬ
35	14	ОЖИДА	ОЖИДАЛА
35	15	ВОСПРНУЛАСЬ. ВІДЪТЬ БЫЛО НА МНОГИХЪ	ВОСПАЛИЛОСЬ ВІДЪТЬ БЫ- ЛО НЕ МНОГИХЪ
36	16	НЕЧУВСТВІТЕЛЬ- НЫЙ	НЕЧУВСТВЕННЫЙ